

интересовала иудейская история, поэтому он и заимствовал из хроники Малалы лишь то, что связано было с историей евреев⁵⁸. Напротив, цель составителя «Еллинского летописца» — изложение всемирной истории, а отсюда совершенно иной подбор материала. Истрин определил Хронику Малалы как «чисто народную книгу, которая назначалась для масс»⁵⁹. Того же мнения придерживался и К. Крумбахер, согласно которому Хроника была написана «не для высоко образованной публики, но для широкой массы монахов и профанов, которых она знакомила в простой и занимательной форме с ходом мировой истории»⁶⁰. Но не только состав Хроники, а и весь ее стилистический строй позволяет называть ее народной книгой. По мнению Крумбахера, это первый большой памятник народного греческого языка⁶¹.

В 1897 г. В. М. Истрин вновь обратился к Хронике Малалы в связи с рассмотрением выдержки из нее, помещенной под 1114 г. в Ипатьевской летописи. Это известный рассказ о Феосте и Дажьбоге. Сопоставив летописный текст с соответствующим местом по «Виленскому» и «Архивскому хронографам», ученый пришел к выводу, что «летописец взял свое сказание уже из готового славянского перевода»⁶², т. е. что «Хроника Иоанна Малалы была известна у нас, во всяком случае, во второй половине XI в.»⁶³

Особое внимание ученого привлекли стоящие перед началом выписки слова летописца: «Аще ли кто сему веры не иметь, да почтеть хронографа». Если учесть, что выписка состоит из двух отрывков, взятых у Амартола и Малалы, причем текст Амартола предшествует тексту Малалы, то возникает вопрос: почему летописец говорит только об одном хронографе, под которым в данном случае нужно разуметь хронику Георгия Монаха, были ли в его распоряжении подлинники хроники Георгия Монаха и Иоанна Малалы или только особый «Хронограф», составленный из текстов этих двух хронистов, типа «Еллинского и Римского летописца»⁶⁴.

Мнения о сводном «Хронографе» придерживался А. А. Шахматов, который различал четыре вида «Летописцев» (называя Архивский и Виленский хронографы IV видом) и возводил их к одному общему первоисточнику, не сохранившемуся сводному памятнику, именуемому им «Древнеболгарской энциклопедией X в.». Согласно Шахматову, эта обширная энциклопедия была составлена из почти всей имевшейся к тому времени в наличности переводной литературы; в Россию она была занесена не позже XI в., и на ее основе возник ряд компиляций, в том числе «Еллинский и Римский летописец»⁶⁵.

Таким образом, уже к концу прошлого столетия появилась довольно обширная литература о славянском переводе Хроники. Причем споры и разногласия достигли такой остроты, что в 1899 г. К. Крумбахер предложил прекратить полемику до появления полного критического издания славянского текста.

Эту работу взял на себя В. М. Истрин. I книгу Хроники он издал в сравнении с греческим текстом по рукописи Парижской национальной библиотеки № 682 (для вступления и §§ I—XXII) и по боннскому изданию

⁵⁸ В. М. Истрин. Александрия..., стр. 351.

⁵⁹ Там же, стр. 355.

⁶⁰ K. K r u m b a c h e r. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 326.

⁶¹ Ibid., p. 328.

⁶² В. М. Истрин. Хронограф Ипатьевской летописи под 1114 годом. — ЖМНП, ч. 314, ноябрь 1897, стр. 84.

⁶³ Там же, стр. 90.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ А. А. Шахматов. Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, VII, 1900, стр. 34.